

КОЭВОЛЮЦИЯ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И АРХИТЕКТониКИ СОЦИУМА: К ПРЕДЫСТОРИИ ПАРАДИГМЫ

¹В.Ю. Дунаев, ²В.Д. Курганская

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается ряд культурно-исторических форм реализации принципа коэволюции технологий и смысловой организации социума. На примере космогонии Платона анализируется использование числовой символики как матрицы божественного творения мира и человеческой души. Анализируется введённое древнегреческими философами и философией даосизма в Китае различие технологий, основанных: 1) на культивировании природных процессов, и 2) на придании материальному субстрату любых произвольных форм. Показана роль этого различия в наделении этическими характеристиками и властными функциями ключевых мифологических персонажей. На примере мифологической символизации металлургии и кузнечного дела анализируются особенности архаического восприятия сложных технологических процессов. На примере архитектурной конструкции «Паноптикона» И. Бентама рассматривается одна из первых социальных технологий и её роль в трансформации понятия власти и способов её осуществления. Анализируются различные формы реализации идеи паноптикона с помощью цифровых информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: коэволюция, высокие технологии, общество, мифология, философия, цифровизация, логос, технофобия, технократия.

Исследование проведено в рамках финансирования КН МОН РК (Грант №BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии»)

^{1, 2}Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
В.Д. Курганская,
vkurganskaya@mail.ru

Ссылка на данную статью:
Дунаев В.Ю., Курганская В.Д.
Коэволюция высоких технологий и архитектуры социума: к предыстории парадигмы // Адам әлемі. – 2021. – №4 (90). – С. 53-65.

Жоғары технологиялар мен қоғамның сәулет өнерінің бірлескен эволюциясы: парадигма тарихына

Аннотация. Мақалада технологиялардың коэволюциясы принципі мен әлеуметті мағыналы ұйымдастырудың мәдени-тарихи формаларының бірқатары қарастырылады. Платонның космогониясын мысалға ала отырып, әлемді және адамның жанын құдайдың жаратуының матрицасы ретіндегі сандық символиканы қолдану мәселесі талданады. Ежелгі грек философтары енгізген және Қытайда даостық философияда жасалған 1) табиғи процестерді ерекше мән-мағына бере отырып тарату және 2) материалды субстратқа кез келген ықтиярлы форма беру негізіндегі технологиялардың айырмашылығы талданады. Бұл айырмашылықтардың негізгі мифологиялық кейіпкерлерді этикалық сипаттамалармен және биліктік функциялармен қамтамасыз ету арқылы көрсетілген. Металлургия мен темір ұстасының мифологиялық символикациясы мысалында күрделі технологиялық процестерді архаикалық қабылдаудың ерекшеліктері талданады. И. Бентамның «Панопти-

кон» архитектуралық құрылысының мысалында алғашқы әлеуметтік технологиялардың бірі және оның билік ұғымын және оны жүзеге асыру тәсілдерін өзгертудегі рөлі қарастырылады. Сандық ақпараттық-коммуникациялық технологияларды қолдана отырып, паноптикон идеясын жүзеге асырудың әртүрлі формалары талданады.

Түйін сөздер: коэволюция, жоғары технологиялар, қоғам, мифология, философия, цифрлау, логос, технофобия, технократия.

Co-Evolution of High Technology Architectonics of Society: to the Prehistory of the Paradigm

Abstract. The article deals with a number of cultural and historical forms of implementation of the principle of coevolution of technologies and the semantic organization of society. Using Plato's cosmogony as an example, the use of numerical symbolism as a matrix of the divine creation of the world and the human soul is analyzed. The article analyzes the difference between technologies introduced by ancient Greek philosophers and the philosophy of Taoism in China, based on: 1) on the cultivation of natural processes, and 2) on giving the material substrate any arbitrary shapes. The role of this difference in the endowment of ethical characteristics and power functions of key mythological characters is shown. Using the example of the mythological symbolization of metallurgy and blacksmithing, the features of the archaic perception of complex technological processes are analyzed. On the example of the architectural design of the "Panopticon" by I. Bentham, one of the first social technologies and its role in the transformation of the concept of power and the ways of its implementation is considered. Various forms of realization of the idea of the panopticon with the help of digital information and communication technologies are analyzed.

Key words: Coevolution, High Technology, Society, Mythology, Philosophy, Digitalization, Logos, Technophobia, Technocracy.

Введение

Социально-гуманитарные дисциплины в последние годы прилагают всё более интенсивные усилия по освоению проблематики воздействия современных высоких технологий на процессы социальной трансформации. Это вполне закономерно, учитывая ту роль, которую играет технологическая революция не только в преобразовании практически всех предметных компонентов жизненного мира современного человека, но и в генерации систем социальных смыслов и ценностей, то есть в формировании архитектоники современного социума.

Развитие техносферы происходит столь стремительно, что социально-философский мониторинг и прогнозирование последствий её воздействия на социальные инфраструктуры должен проводиться чуть ли не в режиме реального времени. Не успела социальная теория толком разработать понятия информационного общества, как на смену ему пришло общество цифровое, а вслед и киберфизическое Общество 5.0. Пока

пишутся исследования по глобализму, антиглобализму и альтерглобализму, пока мы хоть немного начинаем понимать, что такое виртуальная реальность, уже на смену им заступают постглобализация и поствиртуализация [1]. Оправдание философской непроработанности, рыхлости концептуальных моделей новых форм социальной реальности ссылкой на то обстоятельство, что сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек, становится несостоятельным. Птица богини мудрости должна изменить своим архаическим привычкам, и признаки её адаптации к новой реальности уже появляются. Издательство «Академический проект» выпускает серию книг под общей рубрикой «Философские технологии». Быть может, в скором времени во введениях философских диссертаций наряду с пунктом «Методология исследования» появится пункт «Технология исследования».

Необходимость быстрого реагирования на нынешние мутации техносферы отодвигает на второй план анализ тех форм общественного сознания, в кото-

рых человек прошлых эпох осваивал технологии и интегрировал их в мировоззренческую рефлексию и в социальный процесс. Между тем такого рода анализ имеет не только историко-культурное значение. Современные ИКТ, наделённые мощнейшим контуром обратной связи, берут на себя функцию принятия нами решений о том, что почитать, посмотреть, послушать; что купить; куда съездить в отпуск; как воспринимать, оценивать и интерпретировать события в политической, культурной, социальной сфере; во что верить, кому верить и чему не доверять. Сложно определить, какой полюс в системе человек – ИКТ в большей степени является объектом, а какой субъектом аналитической деятельности. Поэтому отступление к более простым формам коэволюции техносферы и смысловых структур социальной организации может внести определённую ясность и дать ориентиры для исследования их современного состояния.

В статье рассматриваются примеры соотнесения технологий с основами организации социальной и духовной сферы в пифагорейско-платоновской космогонии, в мифологии кузнечного дела и в одной из первых моделей социальной технологии – паноптиконе И. Бентама. Этот достаточно странный выбор мотивирован следующими соображениями: поскольку в краткой статье невозможно провести сколько-нибудь систематический анализ заявленной темы, логично избрать иную тактику. А именно, ориентацию на интенсивность и наглядность проявления принципа коэволюции технологий и смысловой архитектоники социально-личностного бытия. На этом пути не получить широких обобщений, но он может стимулировать работу воображения.

«В начале была Цифра»

Первая строка Евангелия от Иоанна в оригинале имеет следующий вид: «Ἐν

ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος».

Встречающийся три раза в этой строке λόγος в словарях древнегреческого языка имеет более 30 значений, основными из которых являются слово, мысль, смысл, понятие, причина, число. Начиная с Вульгаты, во всех переводах Библии λόγος передаётся как Слово. Вульгата: «In principio erat Verbum et Verbum erat apud Deum et Deus erat Verbum»; Церковнославянский перевод Кирилла и Мефодия: «Въ началѣ бѣ слово»; Синодальный перевод: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»; Библия короля Якова: «In the beginning was the Word, and the Word was with God, and the Word was God».

Понятно, что такой перевод-подстрочник не только затрудняет понимание, но искажает смысл евангельского текста. Поэтому, например, в выполненных в XVIII в. иезуитами переводах Библии на китайский язык для передачи «Логоса» был использован принцип перевода поэтических текстов – передача не буквального значения, но смысла с использованием культурно-символических кодов языка, на который осуществляется перевод, пусть даже буквальное значение слов для выражения этих кодов чуждо языку первоисточника. В результате греческий Логос в китайском переводе был передан иероглифом «Дао» [2, р. 38].

В фундаментальном исследовании начальных строк Евангелия от Иоанна, проведённом известным библеистом Иннокентием Павловым, предложено оставить слово «Логос» без перевода: «В начале был Логос, и Логос был с Богом, и Богом был Логос» [3]. Вероятно, этот компромиссный вариант наиболее приемлем с точки зрения герменевтики, поскольку легитимизирует использование полисемантики термина Логос для экспликации смысловых нюансов как евангельского текста, так и той традиции, в которой он возник и во взаимодейс-

твии и полемике с которой постепенно выкристаллизовывалась догматика христианской онтоотеологии.

В контексте процессов тотальной дигитализации предметных и ментальных сфер жизненного мира современного человека обращение к такому значению слова «логос», как число, представляется особо актуальным.

В классическом эллинизме числа являются живыми силами, вещественно-смысловыми энергиями. Закрывающиеся в числах структурные соразмерности или гармонии являются началами сущего: числа суть Боги. В Библейском описании акта Творения использована аналоговая технология: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» (Быт. 1:26). В пифагорейско-платоновской космологии, подробно изложенной в «Тимее», Демиургом использованы цифровые технологии. Как известно, на дверях Платоновой Академии было вывешено строгое предупреждение: «Негеометр да не войдёт». Геометрия, которая была положена в основу эйдетической феноменологии Платона, описывала структуру онтологических гармоний посредством математически совершенных форм, идеальных объектов классической евклидовой геометрии. Но эта геометрия логосов – не единственная и не достаточная для моделирования сущего.

Будучи существенно нелинейными вычислительными процессами, итерации в областях неустойчивости и бифуркационных «развилках» в точности воспроизводят хаотизацию поведения, присущую нелинейным процессам самой разной физической, химической, биологической и даже социальной природы. Материально-вещественный космос устроен внутри души, поэтому логос имманентен как душе, так и осязаемому и мыслимому космосу. Поскольку души являются неравновесными системами, то для их образования не годился метод,

реализующий замысел Вечносущего Бога о теле Космоса, которое было сотворено «гладким, повсюду равномерным, одинаково распространённым во все стороны от центра, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел» [4, с. 437].

«Подпрограмма» цифровой технологии конструирования души пишется Демиургом как матричный способ задания рекурсивных функций и построения самоповторяющихся или самоподобных форм. В своих действиях по созданию души Демиург руководствуется алгоритмом построения фрактальных объектов методом итерации вложения друг в друга двух числовых рядов (1, 3, 9, 27 и 2, 4, 8). Перефразируя С. Жижика, можно констатировать: «Тимей» неопровержимо доказывает, что Платон читал «Фрактальную геометрию природы» Бенуа Мандельброта.

Таким образом, в разработке понятия логоса в платоновском «Тимее» при желании можно усмотреть применение образов теории фракталов, принципов нелинейной динамики и теории хаоса. В описании стоиками эфирно-огненной души космоса, состоящей из тонкой материи «семенных Логосов», наделённых формообразующими потенциями, угадывается философское предвосхищение нано-технологий. При этом содержательно-смысловое наполнение понятия логоса определялось конвергенцией его космологических и социологических составляющих. В контексте темы настоящей статьи важно подчеркнуть то обстоятельство, что уже в наиболее ранних космологических версиях онтологии античных «физиологов» и элеатов универсуму имманентны социально-этические определения. Первоэлементы сущего (ἀρχή) досократиков – это и принципы его смысловой организации. На социоморфную модальность онтологии применительно к древнегреческой мысли в целом указывает Ж.-П. Вернан: «Образ социального космоса, регулируемо-

го равным для всех законом (*isonomia*), на заре философии ранние греческие мыслители перенесли на физическую вселенную» [5, с. 16]. Уже у милетских «физиков» модель умопостигаемого и разумно упорядоченного мира связана с институциональными формами и духовными структурами, свойственными полису. Мудрость (*Sophia*) состояла, прежде всего, в размышлениях по поводу политических и моральных основ человеческого миропорядка: «Логос с самого начала осознаёт себя, свои правила, свою эффективность через политическую функцию» [5, с. 69]. При этом приуготовленность логоса к выполнению как мироустроительных, так и политических функций обеспечивалась его числовой архитектоникой.

Мифология и идеология технофобии и технократии

В докладе, посвящённом философии техники, М. Хайдеггер обосновывает положение о том, что существо техники лежит не в технике. Техника – это особый соразмерный человеку способ или путь раскрытия потаённого через его становление в качестве «состоящего-в-наличии». Для греков производство (*ποίησις*) – не только ремесленное изготовление или художественно-поэтическое творчество. Природа (*φύσις*) как самобытное вырастание, выведение из потаённости в открытость – тоже производство, тоже «пойззис», причём в более изначальном смысле. Только в Новое время это отношение переворачивается таким образом, что теперь Рейн есть то, что он есть в качестве реки лишь потому, что он встроен в гидроэлектростанцию [6, с. 227].

М. Хайдеггер воспроизводит проведённое Аристотелем различие онтологической определённости двух способов раскрытия потаённого – в природе и в человеческой деятельности. Производство природы несёт своё начало

в себе самом, производство искусства или ремесла (*τέχνη*) – в ином: человек рождается от человека, но статуя не рождается от другой статуи.

Аналогичное разделение присутствует и в Восточной философии. Восточная традиция с её идеалами «нирваны» и «недеяния» выступала прямой антитезой гилеморфной парадигме *τέχνη* и предметно-деятельностному подходу, противопоставляя им принцип «выращивания» форм в заданном направлении. Чжуан-цзы предупреждал: «Тот, кто с помощью крюка и отвеса, циркуля и угольника придаёт [вещам] надлежащую [форму], калечит их природу» [7, с. 173].

В даосской философии технические приспособления вызывали к себе скептическое отношение, ведь у того, кто пользуется механизмами, и ум становится механическим. Вместе с тем человек в своей ремесленной деятельности опирается на заложенные в самих вещах свойства и возможности преобразования, и тем самым технологии ведут к раскрытию природы вещей и собственному совершенствованию человека. В этой связи характерно название китайской энциклопедии ремёсел: «Раскрытие вещей посредством небесной работы» [8, с. 362-363].

Различие двух типов *τέχνη* наиболее рельефно проявлялось в древности в хозяйственной деятельности племён скотоводов-номад и оседлых земледельческих общин, с одной стороны, и особой страты металлургов и кузнецов, с другой стороны. Как показывают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, страта металлургов-кузнецов не принадлежит ни к оседлым, ни к кочевым общественным формациям. Эта страта странников коммуницирует и с оседлыми, и с кочевыми народами. Конвергирующие технологии производства оружия и инструментов сопрягают гладкое кочевое пространство машины войны и рифлёное пространство государства.

Технология кузнечного дела, в отли-

чие от технологий сельского хозяйства и животноводства, не основана на культивировании естественно-природных процессов. Кузнец придаёт материальному субстрату любую произвольную форму. Социальная маргинальность кузнецов и сингулярность технологий кузнечного дела обусловили и особую роль фигуры кузнеца в мифологических нарративах.

В канонической версии Ветхого завета говорится о том, что сыновьями первых людей Адама и Евы, были Авель и Каин. Авель был пастырем овец, а Каин – земледельцем. Однако по одной из версий Священного предания Каин был кузнецом. «Отрицательный, даже демонический характер Каина связан с известным у многих народов отрицательным отношением к кузнецам и кузнечному делу» [9, с. 269]. В христианской литературе одним из толкований библейского мифа является предание о зачатии Каина сатаной.

В античной мифологии повелитель огня и покровитель ремёсел бог-кузнец Гефест изображается маргиналом в сонме олимпийских божеств. Как повествует Гомер, своей хромотой, безобразием и неуклюжестью Гефест вызывает у прочих богов неудержимый смех.

Гефест соединяет в себе олимпийское и хтоническое начало: «Гефест – и Олимп, и преисподняя, и высшее творчество, и стихийный демонизм» [9, с. 153]. В отличие от Гефеста, богиня мудрости и покровительница искусств и ремёсел Афина олицетворяет единство τέχνη с государственной мудростью. Гефест – не только искусный мастер в сфере традиционных ремёсел, но и, если перевести мифические образы в современные термины, основоположник робототехники: в «Энеиде» Вергилия повествуется о том, что в подземной мастерской Гефеста его помощниками были механические служанки.

Вместе с тем кузнечное искусство ассоциируется с нижним миром, с хтоническими силами и существами. В герма-

но-скандинавских мифах повествуется о племенах хтонических существ (цвергов, гномов, эльфов) – искусных мастеров, обладающих уникальными технологиями. Именно они изготовили сокровища богов – ожерелье Брисинги, волшебный корабль Фрейра, копьё и золотое кольцо Одина, молот Тора.

Кузнецы в большинстве мифопоэтических традиций народов мира наделены функциями как Бога-демиурга, так и культурного героя. Чудесный кузнец Вёлунд является героем одной из саг «Старшей Эдды» («Песня о Вёлунде»). В «Повести временных лет» говорится об основании Киева тремя братьями – Кием, Щеком и Хоривом. Кий – имя божественного кузнеца, соратника громовержца. В японской мифологии божеством кузнецов является Амацумара. Он изготовил священное зеркало, до настоящего времени являющееся одной из регалий императоров Японии.

Технология кузнечного дела часто наделяется универсальностью – Вишварман в ведийской и индуистской мифологии является «творцом всего», «господином всех ремёсел», «повелителем речи». Кузнецом был главный дух мифологии мьянма – Махагири. В тенгрианстве бог-кузнец Дархан Гуджир-Тенгри относится к верховным божествам, «создателям всего».

Божества и Культурные герои-демиурги владеют инструментами и технологиями изготовления как элементов мироздания, так и предметов культуры. В индонезийской мифологии сами небо и земля были выкованы первым кузнецом – Бунгом. В тибетском буддизме говорится о «кузнице времени». В бурятской мифологии повествуется о Божинтое – небесном духе-покровителе и зачинателе кузнечного ремесла на земле, родоначальнике светлых небесных кузнецов, спустившихся на землю и передавшим людям инструменты и технологии. В латышской и эстонской мифологии – небе-

са и солнце были выкованы Кальвесом (Телявелем), помощником громовержца Перкунаса, также часто выступающим в народных поверьях как кузнец. Ильмаринен выковал не только плуг и меч, но и небосвод и небесные светила (хотя выкованные им вместо похищенных Солнце и Луна не светят).

Во многих мифах повествуется о белых и чёрных (враждебных людям) кузнецах. Например, в бурятской мифологии созвездие Большой Медведицы появилось из черепов семи чёрных кузнецов. В карело-финском эпосе Вяйнямёйнен – демиург Вселенной и главный культурный герой, применяющий в создании космической и социокультурной реальности магические технологии. У его брата и соперника – небесного кузнеца Ильмаринена – профессиональные умения преобладают над сверхъестественными способностями. Выкованные им вместо похищенных Солнце и Луна не светили, пока не вмешалось магическое искусство Вяйнямёйнена. Чудесные кузнецы также встречаются в африканских мифах.

Как свидетельствует представленный материал, метафизический план восприятия техники как имеющей в своих истоках нечто нуминозное, священно-опасное, демоническое возник едва ли не вместе с самим феноменом техники. Аналогично тому, как сетования на падение общественной нравственности возникли чуть ли не с возникновением её самой.

«Техника и те, кто ею занимаются, в древности не пользовались доброй славой» [10, с. 258]. Горная металлургия и кузнечное дело – основная сфера разработки и применения «высоких технологий» архаики. Со временем их демонизация уступает место критике иного рода. В сочинении «О горном деле и металлургии» бургомистра немецкого города Хемниц Георга Агриколы излагаются следующие обвинения этим технологиям: «Проложенными для поисков руды шурфами опустошаются поля...

вырубается леса и рощи, так как нужны бесчисленные деревья для строительства домов и для плавки руды. Из-за вырубки лесов и рощ уничтожаются птицы и другие животные... Руду промывают, и в результате отравляют ручьи и реки, а рыба или уходит из них, или гибнет... жители этих местностей вследствие опустошения полей, лесов, рощ, ручейков и рек оказываются в исключительно затруднительном положении... совершенно ясно, что этими шурфами наносят больше вреда по сравнению с той пользой, которую получают от горной промышленности» [10, с. 258]. В этих строках, написанных в 1556 г., мы как будто читаем очередной опус Греты Тунберг. Но кроме экологических аргументов против технологии горной металлургии выдвигались и обвинения морально-этического и даже теологического плана. Говорилось о том, что добываемое горной промышленностью золото и серебро являются губителями рода человеческого; что, проникая в недра земли, человек идёт против Божьего завета.

В традиционном обществе, как показывает Р.П. Зиферле, технические нововведения принимались или отвергались не по критериям технико-экономической целесообразности, но на основании того, интегрировались ли они в установившиеся рамки сословной стратификации и цеховых моральных кодексов, или выходили за эти границы. Примером такого подхода к социальному регулированию технологий служит приводимый Р.П. Зиферле документ 1523 г.: «Ни один ремесленник не должен придумывать ничего нового или применять его, но каждый должен следовать за своим ближним из побуждений гражданской и братской любви» [10, с. 262].

Оценка технологических новаций как двигателя прогрессивных социальных перемен становится доминирующей с наступлением эпохи Просвещения. В конце XIX в. сформировались и идеологические

установки консервативно-романтической, антимодернистской критики техники. Её главным аргументом было подчинение человека машине, превращение его в придаток и раба приобретающих автономию технологических процессов. Самопроизвольное развитие техногенной сферы, технологическая сингулярность, ведущая к апокалиптическому кошмару «бунта машин», – сюжет, бесконечное число раз обыгранный в книгах и фильмах в жанре sciencefiction. Вместе с тем та же тенденция к обретению автономии и утверждению техникой своего собственного, имманентного «логоса», теоретическим освоением и практической реализацией которого выступает научно-технологический прогресс, расценивалась адептами технократии как уникальная возможность внесения порядка в социальную и политическую сферы.

Мифология технократизма активно подпитывается достижениями современных облачных технологий управления, применяемых в безлюдных производственных процессах. Применение безлюдных технологий к конструированию социальной реальности и политического управления ею пока не стоит в повестке дня, но такого рода перспективы активно обсуждаются. Согласно данным социологического опроса, жители ряда стран приветствовали бы замену политиков системой искусственного интеллекта. Идею создания цифрового парламента, передачу внутренней и внешней политики под контроль ИИ поддержали 75% опрошенных в Китае, 66% – в Испании, 59% – в Италии, 56% – в Эстонии [11, с. 64].

Понимание τέχνη как искусства, свободного от имманентных форм-эйдосовсамопроизрастания φύσις, и применение этого искусства к конструированию человеческого общества, или «создания народа как произведения искусства» [12, с. 39], вызывали подозрение Платона, изгнавшего поэтов из государства. Энkratическая поэтика «породила смешение политики и искусства

(Гегбельс: «Политика – это изобразительное искусство государства») из-за которого Европа, если не целый мир, едва не погибла» [12, с. 39]. Не те же ли перспективы раскрываются перед нынешним планетарным господством (М. Хайдеггер) высоких естественнонаучных и социально-гуманитарных технологий, идеологически легитимирующихся трансгуманизмом?

Цифровой паноптикон

В книге «Надзирать и наказывать» М. Фуко обращается к анализу различных технологий отправления власти посредством универсализации дисциплинарного контроля. Одна из таких технологий получила наиболее яркое воплощение в «Паноптиконе» И. Бентама.

Архитектура паноптикона проста: в центре находится башня с широкими окнами, по периметру – здание в виде кольца, разделённое на изолированные комнаты-камеры, выходящие окнами наружу и на центральную башню. Таким образом, надзирателю из башни видно всё происходящее в камерах. «Основная цель паноптикона: привести заключённого в состояние осознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [13, с. 294]. В отличие от узников пещеры Платона узники паноптикона Бентама видят не тени-симулякры предметов, людей, животных и т.д., но только место, с которого за ними ведётся наблюдение. Конструкция окон центральной башни такова, чтобы сделать присутствие наблюдателя невидимым для узников камер. Эта асимметрия оптического пространства, обусловленная геометрией паноптикона, и определяет эффективность, принудительную силу власти, не требующей отныне применения прямого физического насилия. Власть не нуждается более в символах, ритуалах, знаках своего могущества. Невидимость её бестелесных воздействий предreshает её универсальное

присутствие. Узнику пещеры Платона, сумевшему освободиться от оков и повернуть голову, через обретение этой «обратной перспективы» открылось знание призрачности мира теней, в котором он дотоле пребывал. Узник паноптикона не вынесет никаких онтологических и эпистемологических откровений и не испытает никакого метафизического шока из своего посещения центральной башни и взгляда из неё на место своего заточения.

Вместе с тем паноптикон как обобщённая модель отношения власти и знания – это *suigeneris* социологическая лаборатория, «машина для проведения экспериментов, для изменения поведения, для муштры или исправления индивидов... и для анализа, с полной достоверностью показывающего, какие преобразования могут быть их результатами» [13, с. 298-299]. Оптическая система паноптикона, включает М. Фуко, это диаграмма власти и форма многофункциональной политической технологии. Эта технология, не располагая иными инструментами, кроме геометрии, может быть интегрирована в системы демократического контроля над своим функционированием – любой человек, в том числе и узник паноптикона, может прийти в центральную башню и проконтролировать действие его механизма. И в этом заключается принципиальная черта новой технологии власти: топология оптического пространства паноптикона лишает смысла персонализацию власти в образе наблюдающего за каждым индивидом «Большого брата» тоталитарно-авторитарных утопий.

Паноптическая схема как таковая «была предназначена для распространения по всему телу общества» [13, с. 304], и это предназначение удалось воплотить в реальность с возникновением современных цифровых информационно-коммуникативных технологий. Для реализации сетевой морфологии оптического пространства паноптикона нужно было внес-

ти некоторые конструктивные изменения в архитектурный проект И. Бентама, а именно: сделать стены камер стеклянными. В этом случае сети надзора пронизывают все тело общества, не оставляя пространственных и временных лагун, не имея привилегированных направлений и выделенных центров. Но вместе с этими конструктивными изменениями мы попадаем из одной тоталитарной антиутопии в другую: из антиутопии «1984» Д. Оруэлла в антиутопию «Приглашения на казнь» В.В. Набокова.

Преступление ожидающего казни Цинцинната Ц. заключается в «гносеологической гнусности» – сложной сети оптических обманов, которыми он пытался скрыть непрозрачность и непроницаемость своей души для окружающих. Его душа, «как будто бы вырезанная из кубической сажени ночи», не пропускала чужих лучей, а потому производила «диковинное впечатление одинокого тёмного препятствия в этом мире прозрачных друг для дружки душ» [14, с. 12, 13]. Что могут предпринять власти, кроме приглашения на казнь, чтобы всё же добиться светопроницаемости души?

Во-первых, прибегнуть к помощи современных нано-технологий. Л.А. Рябиченко отмечает: «В программе «Цифровая экономика» и предыдущих федеральных программах предусмотрено введение имплантируемых и неинвазивных устройств на основе нейронных сетей для «повышения качества человеческого капитала», постоянной связи человека с «глобальными информационно-управляющими сетями типа Internet», интеграции наноэлектроники с биообъектами для непрерывного контроля за их жизнедеятельностью» [15]. Но эти меры, что априорно ясно, вызовут у «биообъектов» легко предсказуемую и отнюдь не восторженную реакцию.

Другой вариант – использование цифровых технологий Big Data для от-

слеживания онлайн активности пользователей Интернета. Этими технологиями активно пользуются крупные транснациональные корпорации, торговые и рекламные фирмы, государственные структуры. При этом высокие технологии сбора и анализа массива данных могут обеспечить также и анонимность этой работы. В рассказе О.В. Пелевина «Акико» передаётся интернет-диалог посетителя порно-сайта с обладательницей хрупкой фигурки в шёлковом кимоно цвета осенней листвы Акико. В ходе этого диалога Акико, между сентенции типа: «Вся жизнь земная лишь мгновение, лишь летний сон луны в пруду под песню птицы касиваги», и действиями, отражающими специфику сайта, говорит: «Не бойся, что твои враги и завистники узнают о нашей связи. Мы умеем хранить секреты». Однако когда посетитель начинает всё более активно проявлять недовольство насильно навязанными ему и дорогими опциями, в разговор вмешивается третий участник: «Вот мы в пятом главном управлении и думаем, что ты педофил из исламского джихада. Почему? А что мы должны думать, если ты с Hot Asian Boys идёшь на Pregnant Latino Teens, а на сайте Kavkaz.org закладку сделал? Лечь! Встать! Лечь! Встать! Всё понял, как себя вести?».

Действительно, защищённость электронных средств коммуникации, даже если ими пользуются видные политические фигуры, в том числе и первые лица государства – весьма относительное понятие. В своё время много шума наделало обнародование материалов о прослушке американскими спецслужбами политических деятелей, в число которых попала даже Ангела Меркель. В начале октября 2021 г. Президент Сербии Александр Вучич заявило том, что преступными структурами, с которыми были связаны высокопоставленные сотрудники МВД Сербии, велась его прослушка с целью найти компромат и принудить к отставке [16].

Наконец, один из самых радикальных способов обеспечить «проницаемость душ» своих граждан осуществляет Китай. В этой стране внедряется так называемая «система социального кредита». За поведением каждого гражданина в его онлайн и офлайн жизни в режиме реального времени ведётся наблюдение, фиксирующее не только его поступки, но и эмоции, настроение. На основе обработки массива полученных данных с помощью технологии Big Data присваивается социальный рейтинг (рейтинг доверия) или Индекс лояльности. На основе этого рейтинга определяются возможности и ограничения социальной жизнедеятельности каждого члена общества. Если воспользоваться термином нашего президента, можно сказать, что слышащее государство в системе социального кредита превращается в государство подслушивающее и подглядывающее.

Заключение

С позиций технологического редукционизма эволюция современной цивилизации происходит как процесс возникновения новых форм социальности, детерминированный цифровыми технологиями. В более радикальных версиях речь идёт о технологическом конструировании не столько новых форм социальных взаимодействий, сколько социального как такового: «Цифровая сеть, как новая социальная среда, не отражает структуру общества, а формирует её по математическим технологическим алгоритмам и стандартам» [17, с. 17]. Алгоритмы и математические матрицы не содержат в себе этических измерений и импликаций, как и те структуры, которые этими алгоритмами формируются. Тем самым цифровые технологии превращаются в субстанцию-субъект становления пост- или трансгуманистического мира, фазового перехода человеческой истории и цивилизации в постчеловеческий формат. По поводу именно такого рода концепций М. Хай-

деггер утверждает: слепыми к существованию техники мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней нечто нейтральное – нейтральное по отношению к мировоззрению, этике, духовности [6, с. 221].

Между тем даже некоторые представители технологической элиты наиболее продвинутых в научно-технологическом отношении стран рассматривают технологическую революцию как процесс перехода к новому общественно-технологическому укладу, основанному на коэволюции высоких технологий и духовного мира человека. Так, например, разъясняет суть так называемого «Общества 5.0» Уэмура Норицугу, руководитель департамента корпорации Mitsubishi Electric.

Общество 5.0 – ступень социальной эволюции, следующая за информационным обществом и характеризующаяся интеграцией физического и киберпространства на основе таких ключевых IT-технологий, как технологии Больших данных (Big Data), «Интернет вещей» (Internet of Things – IoT), «Интернет всего» (Internet of Everything – IoE), искусственный интеллект (AI), робототехника. В отличие от модели Индустрия 4.0, в Обществе 5.0 внедрение киберфизических технологий охватывает все сферы жизни общества и адресовано каждому его члену. Общество – это совокупность людей, и его блага должны быть доступны всем. Поэтому концепцию должны понять и принять все участники общественных и экономических отношений. Общество 5.0 – это не общество потребления, но общество активного труда и сотрудничества. «Каждый будет вносить вклад в соответствии со своими возможностями и потреблять в соответствии со своими нуждами» [18, с. 9] (этот тезис звучит как-то очень знакомо). Ну и, наконец, главная конструктивная особенность архитектоники (смысловой структуры) Общества 5.0: «В интегральном Обществе 5.0 человек обязан быть счастливым» [18, с. 9].

Если отвлечься от риторики, то основная конструктивная особенность Общества 5.0 состоит во встречном движении высоких технологий и внутреннего духовного совершенствования человека. Одно невозможно без другого. В этом принципиальное отличие парадигмы коэволюции технологий и общества от парадигмы конвергенции Hi-tech и Hi-Hume технологий в технологию Human Enhancement – прямого воздействия на человека с целью его технологической модификации. Применение технологий управляемой биосоциальной эволюции человека, ставящее гуманные цели расширения его физических и умственных возможностей, избавление от болезней, продление жизни и т.д., «соответствует новой стадии развития человеческой цивилизации – трансгуманизму» [19, с. 34].

Проведённый анализ показал, что тренды к коэволюции и дивергенции технологий и смыслового обустройства социума проявляются в самых разных социокультурных контекстах и формах социального воображения. Ни остановить технологический прогресс, ни обрести надёжных критериев избавления от рисков деструктивных последствий вмешательства технологий в природные и социальные процессы невозможно. Ценой веры в технологический прогресс является радикальность страха перед будущим, «футурошок» (О. Тоффлер). Поэтому в равной степени нет причин присоединяться ни к сотериологическим упованиям технократов, ни к апокалиптическим пророчествам технофобов.

М. Хайдеггер в докладе, посвящённом философии техники, цитирует строки Гёльдерлина: «Но где опасность, там вырастает и спасительное» [6, с. 234]. Развитие человеческой цивилизации в эпоху высоких технологий происходит и будет происходить под знаком неустрашимой необходимости совмещения этой поэтической сентенции с её инвертированной формой: «Оттуда, где видится спасительное, надвигается и опасность».

Список литературы

1 Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социс. 2020. - № 5. - С. 44-55.

2 Benjamin A. Elman. New Perspectives of the Jesuits and Science in China: 1600-1800 // Points of contact: crossing cultural boundaries. Edited by Amy Golahny. - Bucknell University Press, 2004. - P. 37-49.

3 Павлов И. Ин 1:1-5. Главный богословский текст Нового Завета – его оригинал, поэтика, контекст. – М.: ББИ, 2019. – 247 с.

4 Платон. Тимей // Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. – М.: Мысль, 1999. - С. 421-500.

5 Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс, 1988. - 224 с.

6 Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. - С. 221-238.

7 Чжуанцзы // Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы. – СПб.: «Петербург – XXI век» совместно с ТОО «Лань», 1994. - 416 с.

8 Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 632 с.

9 Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. 4-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 736 с.

10 Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ: Пер. с нем. и англ. / Составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. - С. 257-272.

11 Фиговский О.Л., Гумаров В.А. Искусственный интеллект глазами обывателя // НБИКС – Наука. Технологии. 2021. - № 5 (14). - С. 59-66.

12 Лаку-Лабарт Ф. Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. - С. 7-42.

13 Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: AdMarginem, 1999. - 479 с.

14 Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. – М.: Правда, 1990. - 479 с.

15 Рябиченко Л.А. Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля // Культура и безопасность. Интернет-жур-

нал о культуре как факторе национальной безопасности. 2017. 15 декабря. – Режим доступа: <http://sec.chgik.ru/ideologiya-tsfrovogo-obshhestva-kak-geopoliticheskaya-strategiya-ustanovleniya-nadnatsionalnogo-kontrolya-2/> (дата обращения 02.10.2021).

16 Президент Сербии Вучич: меня прослушивали 1882 раза, чтобы принудить к отставке. – Режим доступа: <https://tehnovar.ru/290347-Prezident-Serbii-Vuchich-menyu-proslushivali-1882-razachtoeby-prinudity-k-otstavke.html> (дата обращения 09.10.2021).

17 Подопригора А.В. Искусственный интеллект как дискурс самопознания и самоорганизации цифрового социума // Социум и власть. 2019. - № 1 (75). - С. 7-20.

18 Уэмура Н. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. - № 4. - С. 1–11.

19 Кричевский Г.Е. Введение в НБИКС-технологии // НБИКС – Наука. Технологии. 2017. - № 1. - С. 27-54.

Transliteration

1. Ivanov D.V. Dopolnennaya sovremenost': `effekty postglobalizacii i postvirtualizacii [Augmented Modernity: the Effects of Post-Globalization and Post-Virtualization] // Socis. 2020. - № 5. - P. 44-55. (in Rus)

2. Benjamin A. Elman. New Perspectives of the Jesuits and Science in China: 1600-1800 // Points of contact: crossing cultural boundaries. Edited by Amy Golahny. - Bucknell University Press, 2004. - P. 37-49.

3. Innokentij Pavlov. In 1:1-5. Glavnyj bogoslovskij tekst Novogo Zaveta - ego original, po`etika, kontekst. [John 1:1-5. The Main Theological Text of the New Testament – its Original, Poetics, Context]. - M.: BBI, 2019. - 247 p. (in Rus)

4. Plato. Timaeus // Platon. Fileb, Gosudarstvo, Timej, Kritij. - M.: Mysl', 1999. - P. 421-500. (in Rus)

5. Vernan J.-P. Proishozhdenie Drevnegrecheskoj Mysli. [The Origin of Ancient Greek Thought]. - M.: Progress, 1988. - 224 p. (in Rus)

6. Heidegger M. Vopros o tehnikе [The Question of Technology]. // Hajdegger M. Vremya i Bytie: Stat'i i Vystupleniya: Per. s nem. - M.: Respublika, 1993. - P. 221-238. (in Rus)

7. Chuangzi // Mudrecy Kitaya. Yan Chzhu. Leczy. Chzhuanczy. - SPb.: «Peterburg - XXIvek» sovместno s TOO «Lan'», 1994. - 416 p. (in Rus)

8. Malyavin V.V. Kitajskaya civilizaciya [Chinese Civilization]. - M.: IPC «Dizajn. Informaciya. Kartografiya»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST», 2001. - 632 p. (in Rus)

9. Mifologiya. Bol'shoj `enciklopedicheskij slovar' [Mythology. The Great Encyclopedic Dictionary]. / Gl. red. E.M. Meletinskij. 4-e izd. - M.: Bol'shaya Rossijskaya `enciklopediya, 1998. - 736 p. (in Rus)

10. Ziferle R.P. Istoricheskie `etapy kritiki tehniki [Historical Stages of Criticism of Technology] // Filosofiya tehniki v FRG: Per. s nem. i angl. / Sostavl. ipredisl. C.G. Arzakanyanai V.G. Gorohova. - M.: Progress, 1989. - P. 257-272. (in Rus)

11. Figovskij O.L., Gumarov V.A. Iskusstvennyj intellekt glazami obyvatelja [Artificial Intelligence Through the Eyes of the Layman] // NBIKS - Nauka. Tehnologii. 2021. - № 5 (14). - P. 59-66. (in Rus)

12. Lacoue-Labarthe F. Po`etika i politika [Poetics and Politics]. // Po`etika i Politika (sbornik statej). Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologi i Rossijskoj Akademii nauk. - M.: Institut `eksperimental'nojsociologii, SPb.: Aletejja, 1999. - P. 7-42. (in Rus)

13. Foucault M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. [To Supervise and Punish. The Birth of the Prison].- M.: AdMarginem, 1999. - 479 p. (in Rus)

14. Nabokov V.V. Priglasenie nakazn' [Invitation to Execution]. // Nabokov V.V. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. Tom 4. - M.: Pravda, 1990. - 479 p. (in Rus)

15. Ryabichenko L.A. Ideologiya cifrovogo obschestva kak geopoliticheskaya strategiya ustanovleniya nadnacional'nogo kontrolya

[Ideology of Digital Society as a Geopolitical Strategy for Establishing Supranational Control] // Kul'tura i bezopasnost'. Internet-zhurnal o kul'ture kak faktore nacional'noj bezopasnosti. 2017. 15 dekabrya. - Access mode: <http://sec.chgik.ru/ideologiya-tsfirovogo-obshhestva-kak-geopoliticheskaya-strategiya-ustanovleniya-nadnatsionalnogo-kontrolya-2/> (date of access: 02.10.2021). (in Rus)

16. Prezident Serbii Vuchich: menya proslushivali 1882 raza, chtoby prinudit' k otstavke [Serbian President Vucic: I was Intercepted 1,882 Times to Force Me to Resign]. - Access mode: <https://tehnowar.ru/290347-Prezident-Serbii-Vuchich-menya-proslushivali-1882-razachto-by-prinudit-k-otstavke.html> (date of access: 09.10.2021). (in Rus)

17. Podoprigrora A.V. Iskusstvennyj intellekt kak diskurs samopoznaniya i samoorganizacii cifrovogo sociuma [Artificial Intelligence as a Discourse of Self-Knowledge and Self-Organization of a Digital Society] // Socium i vlast'. 2019. - № 1 (75). - P. 7-20. (in Rus)

18. Uemura N. Obschestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric [Society 5.0: the View of Mitsubishi Electric] // `Ekonomicheskie strategii. 2017. - № 4. - P. 1-11. (in Rus)

19. Krichevskij G.E. Vvedenie v NBIKS-tehnologii [Introduction to NBICS-Technologies] // NBIKS - Nauka. Tehnologii. 2017. - № 1. - P. 27-54. (in Rus)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Владимир Юрьевич Дунаев

философия ғылымдарының докторы, профессор, бас ғылыми қызметкер, ҚР БҒМ Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

Валентина Дмитриевна Курганская

философия ғылымдарының докторы, профессор, бас ғылыми қызметкер, ҚР БҒМ Философия, саясаттану және дінтану институты, Алматы, Қазақстан

Владимир Юрьевич Дунаев

профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Валентина Дмитриевна Курганская

профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, Алматы, Казахстан

Vladimir Dunaev

Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MES RK, Almaty, Kazakhstan

Valentina Kurganskaya

Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MES RK, Almaty, Kazakhstan